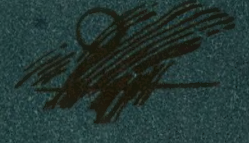
ИВАН ШУХОВ

ИЗБРАННОЕ

ИВАН ШУХОВ

Избранное
в двух
томах

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЗУШЫ»

ИВАН ШУХОВ

Горькая линия

Роман

Том

1

АЛМА-АТА — 1978

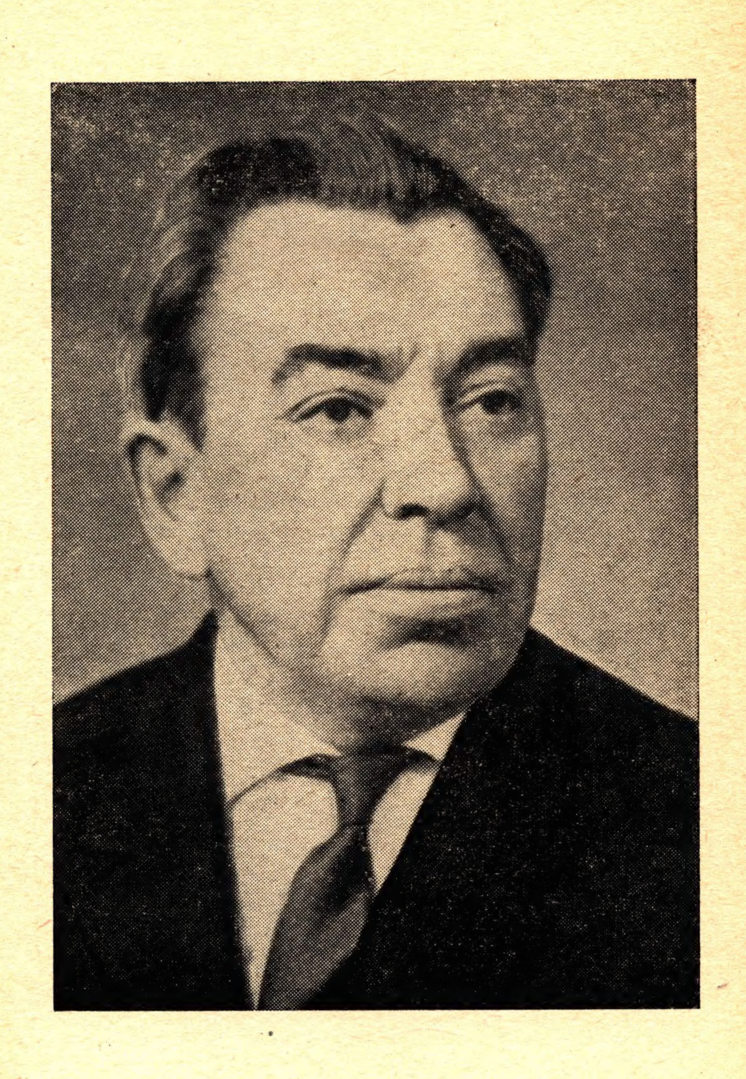
Ш 98

Шухов И. П.

Ш 98. Избранное в двух томах. Том 1 — Горькая линия. Роман. Алма-Ата, «Жазушы», 1978
440 стр.

В двухтомник избранных произведений известного советского писателя Ивана Петровича Шухова вошли его давно полюбившиеся читателю романы «Горькая линия» и «Ненависть», рассказывающие о жизни сибирского казачества в канун Великой Октябрьской социалистической революции, во время революции и в период коллективизации.

Ш $\frac{70302-002}{402\ (07)\ 78}$ Доп.— 78

ИВАН ШУХОВ

Творчество Ивана Петровича Шухова широко известно всесоюзному и зарубежному читателю. Но так сложилась творческая биография писателя, что почти каждое последующее издание его произведений, особенно двух крупных романов — «Горькая линия» и «Ненависть», вносило что-то новое в уже известный текст.

Есть писатели, которые принципиально не вмешиваются в текст уже давно написанного произведения, хотя и обнаруживают с высоты возраста и опыта его недостатки. Так оно сложилось **тогда**, на определенном этапе, и пусть остается таким навсегда, как свидетельство **того** времени,— примерно так рассуждают они. У Шухова другой взгляд на свое творчество. Шухов — сегодняшний не отделяет себя от Шухова — прежнего. Все свое творчество он словно рассматривает как единое произведение, которое создается в течение жизни автора. Возможно, к такому пониманию подтолкнули И. Шухова письма к нему М. Горького, в которых родоначальник советской литературы, высоко оценив талант писателя и отметив некоторые недостатки, призывал его «более экономно, точно, ярко» изображать «словами явления социальной жизни», добиваться более убедительной «социальной педагогики» книги. А «это нелегкое и строгое дело!»— с восклицательным знаком отметил Алексей Максимович.

И хотя замечания А. М. Горького касались некоторых языковых промахов и небрежностей, И. Шухов, перерабатывая романы, улучшая язык и композицию, добиваясь «законной эстетики» совершенства формы, постоянно думал о горьковской «социальной педагогике».

Первые варианты «Горькой линии», «Ненависти», затем вышедшей несколько позже «Родины» представляли собой щедро выплеснутый автором мир впечатлений своеобразного уклада жизни станиц сибирского казачества, который вылился в лирические живописные картины степи, эскизы оригинальных портретов, зарисовки бытовых и общественных сцен, в неподражаемые диалоги с характерным казачьим говорком.

И. Шухов, словно акын-импровизатор, «пропел» свои первые романы вдохновенно, уверенно, красочно. Иногда в критической литературе о Шухове иные авторы пытаются докопаться до его литературной родословной, находя аналогии с М. Шолоховым, сказами П. Бажова и т. д. Но Шолохов и Шухов — писатели одного поколения. «Поднятая целина» и «Ненависть» писались в одно время, по горячим следам событий. Говорить о каком-либо литературном влиянии Шолохова на Шухова было бы натяжкой. «Былинность» стиля П. Бажова кое-где проглядывает в шуховских страницах, однако не является определяющей. Можно найти общие приемы словесного изображения, какими пользуется Шухов, у Вс. Иванова в его ранних рассказах и у П. Васильева, хотя сравнение прозаической с поэтической тканью весьма условное. Однако и эти аналогии — не вывод о влиянии. Все дело в том, что творчество этих художников базировалось на одинаковом социально-этнографическом материале. Как и они, И. Шухов пришел в литературу не от литературы, без пут литературных реминисценций, с которыми трудно было бы проскакать по степям Северного Казахстана так, как это он сделал! И это наиболее ценно.

Конечно, в широком смысле можно говорить о том, что автор «Горькой линии» имел за своей спиной весь богатый опыт русской литературы и начинал свою деятельность не от фольклора. Но я хочу сказать: и от фольклора.

Сибирское казачество, находясь в специфических условиях, с одной стороны, колонизатора и жандарма степного края, с другой стороны, его жителя и пахаря, в течение более чем двух столетий породило своеобычное этническое образование русского народа со своим бытом, психическим складом, диалектом и даже фольклором. Выдвинутое на самые крайние рубежи империи, казачество непосредственно контактировало с «инородцами», проявляя по отношению к ним свою двоякую и даже противоречивую сущность. Верноподанные служаки царя, казаки были и носителями национальной розни, ненависти, обособленности. Но они же были и теми русскими людьми, у которых завязывались прочные, а иногда и сердечные отношения с кочевниками. Это они установили с кочевниками институт «тамырства», который сыграл немаловажную роль в возникновении и упрочении дружбы между казахским и русским народами.

Внешне единое и сплоченное казачество было такое же социально неоднородное, как и все другие слои российской империи. И в этом корень его двойной сущности: реакционный мундир со всей карательной амуницией, а под ним — крестьянское «нутро» со всем присущим хлебопашцу комплексом добрых чувств и мыслей. Вот от этого-то «нутра» и шел И. Шухов в литературу.

* * *

Родина И. П. Шухова — Северный Казахстан, станица Пресновская, где в 1906 году в большой семье казака Петра Семеновича Шухова и Ульяны Ивановны Шуховой родился будущий писатель. Много лет спустя, описывая свое детство в «Пресновских страницах», он вспомнит первые жизненные впечатления,— и все они окажутся связанными с крестьянским трудом, трудом нелегким, но радостным, ибо не было лучшего праздника в крестьянской семье, чем приобщение сына к работе.

« — Вот и мы, дал бог, дождались своего бороноволока!— сказала однажды про меня мама, и я был счастлив услышать от нее такие слова, приняв их за великую похвалу моему возрасту». Это впечатление семилетнего Шухова. Из тех же пластов памяти выплывут вилы и топоры, старенькие, потертые кошмы, черные от вековой копоти чугунные котелки и чайники, берестяные туески и щербатые деревянные ложки, запахи парной земли, вязкого дегтя, лошадиного пота, ременной сбруи, сухой полынки... и хлеба, пахнувшего «домом, теплой маминой щекой, сухими, горячими ее руками». И уже литературные ассоциации поставят эпиграф к «Пресновским страницам» из А. Твардовского:

Мы все, почти что поголовно,
Оттуда люди, от земли...

В этом мерцающем мареве далеких детских впечатлений писателя, помимо ярких картин родной степи с березовыми колками и камышовыми озерами, бытовых и трудовых сцен, сохранятся образы близких людей: деда Арефия, кузнеца Лавры Тырина и других, которых мы после узнаем в шуховских романах, сохранятся их шутки-прибаутки, песни и рассказы. Но уже где-то там, на самом первом уроке осознания мира, появится пока еще не понимание — только ощущение какого-то иного смысла и слов и дел людских. Скажем, бахвалится старый казак-ветеран былыми походами и победами над басурманами под предводительством любимых «енералов» или пройдет парадом лейб-гвардия — и наполняется сердце мальчишки державной гордостью. А отец по этому же поводу скажет: «Мишура все это. Кивера их. Султаны. Регалии... Так — трень-брень». Задевают такие слова. Взбудораживают. Настораживают. В идиллические, милые сердцу картины детства ворвутся с тревогой и болью скорбные глаза голодного переселенца, над которым изголяются зажиточные станичники, грязные лохмотья сверстника-«киргизенка», нанимающегося в батраки, озверелый, пьяный кулачный бой между казаками. Постепенно придет понимание классовой подоплеки этих кулачных боев, перешедших потом в бои революционные, когда уже

не стенка на стенку, а класс выступил на класс. Как все это происходило в казачьих станицах, позже раскроет писатель-коммунист Иван Шухов.

Унаследовавший от родителей душевную чуткость («Всем, что во мне есть хорошего — в человеке и литераторе,— обязан я моим неграмотным родителям, в первую очередь — моей матери»), уже в раннем детском возрасте он «самоуком» впитал в себя и фольклор казачьих станиц, и русские народные песни, знал почти все стихи, какие только могли встретиться ему. Как ни нужен был в семье «бороноволок», родители решили открыть путь «талану» — мальчик пошел учиться в церковно-приходскую школу. Потом был Петропавловский педагогический техникум, потом Омский рабфак — и к двадцатилетнему возрасту окончательно созревает решение посвятить себя литературе. В 1927 году И. П. Шухов поступает в Литературный институт имени В. Я. Брюсова. Закончить не удалось — институт был закрыт. Началась работа в газете, вернее в газетах: и в центральной «Крестьянской газете», и в омской «Рабочий путь», и в новосибирской «Советской Сибири», и в уфимской «Красной Башкирии», и в самарской «Волжской коммуне», и в московской «Сельскохозяйственный рабочий».

«К литературе пришел я от газеты,— пишет о себе И. Шухов.— Работа в краевой печати Сибири и Урала (я работал разъездным корреспондентом) дала мне очень много в смысле тематического обогащения, в тренировке глаза и уха, в развитии наблюдательности, в подборке, сортировке и осмыслении фактов и в обобщении их.

Я давал материал исключительно очеркового порядка, и поэтому все свои полубеллетристические корреспонденции рассматриваю как подготовительно-лабораторные опыты перед первой большой, серьезной работой».

Кроме корреспонденций, появились и первые литературные дебюты (рассказ «Перекресток дорог»), но, конечно, «большой, серьезной работой» стала «Горькая линия», которая появилась в 1931 году.

* * *

«Вы написали очень хорошую книгу — это неоспоримо,— писал И. Шухову Максим Горький.— Читая «Горькую линию», получаешь впечатление, что автор — человек даровитый, к делу своему относится вполне серьезно; будучи казаком, находит в себе достаточно смелости и свободы для того, чтобы изображать казаков с беспощадной и правдивой суровостью, вполне заслуженной ими... когда читаешь Вашу книгу — чувствуешь, что Вы как будто были непосредственным зрителем и участником всех событий, изображаемых Вами, что Вы как бы подслушали все мысли, поняли все чувствования всех Ваших ге-

роев. Вот это и есть подлинное, настоящее искусство изображения жизни силою слова».

Там же еще:

«Цель у Вас — отличная, формулируете Вы ее совершенно правильно: «показать рост классовой дифференциации — расслоения в казачестве, показать, как национальная борьба перешла в классовую, социально-революционную»,— это нелегкое и строгое дело! Судя по началу, по первой книге «Горькой линии», Вы должны бы достичь Вашей цели с полным успехом».

Эти слова родоначальника советской литературы, как и последующие письма, сыграли огромную роль в творческой судьбе И. Шухова. В них — не только признание литературного дарования. Зоркий глаз основоположника социалистического реализма увидел в молодом тогда авторе классовую определенность оценок, революционную устремленность творческой энергии, что неоспоримо выдвинуло Шухова в первые ряды писателей-первопроходцев по теме социалистической перековки сознания людей в процессе революционной борьбы и строительства новой жизни. Его романы «Горькая линия» и «Ненависть» появились наряду с произведениями конца 20-х — 30-х годов, ставшими советской классикой: «Цемент» Ф. Гладкова, «Гидроцентраль» М. Шагинян, «Время, вперед!» В. Катаева, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Соть», «Дорога на океан», «Скутаревский» Л. Леонова, «Кара-Бугаз» К. Паустовского, «Люди из захолустья» А. Малышкина, «Танкер «Дербент» Ю. Крымова.

* * *

Почти все написанное И. Шуховым читается как единое повествование о судьбе сибирского казачества на примере родных автору станиц Северного Казахстана. Вот как это выглядит в хронологическом порядке.

«Горькая линия»— дореволюционное казачество, как оно сложилось и стабилизировалось за два столетия, тот исходный «материал», которому, как и всем народам России, предстояло пройти горнило революции. Шухов блестяще справился с показом своеобразия революционизирования казачества. Недаром Горький отметил его «хорошее, здоровое, революционное дарование».

«Ненависть»— роман о следующем этапе революционного пути казачества, логическое завершение его классового расслоения, роман о коллективизации в казачьих станицах и борьбе с кулаками, роман о психологической перестройке бывшего «спесивого» сословия и приобщения его к общенародному делу строительства социализма.

«Дым отечества»— страстный публицистический монолог на тему: Сибирское казачество в Великой Отечественной войне. Здесь еще раз проявилось «революционное дарование» И. Шухова. Эмоциональ-

ное, доходчивое до сердца сибиряка слово писателя имело конкретный адрес: сибирские полки и дивизии, от одного названия которых фашистов бросало в дрожь. «Дым отечества» стоит в одном боевом ряду советской военной публицистики вместе с произведениями этого жанра А. Толстого, М. Шолохова, Л. Леонова, И. Эренбурга.

Очерки, рассказы, повести о целине — еще один знаменательный этап И. Шухова как летописца бывшей Горькой линии, ставшей теперь — уже не линией,— а краем целинных совхозов. Бывшие казаки — теперь рабочие социалистических фабрик зерна, к которым еще в конце 20-х годов тянулись многие герои «Ненависти». И это, пожалуй, завершающий этап социалистической эволюции казачества как бывшего сословия и как этнического образования. На этом этапе исчерпал сёбя объект художественного исследования писателя, которому он посвятил десятилетия.

На «постороннюю» тему, пожалуй, можно назвать только путевые очерки «Дни и ночи Америки» и «Дыхание Адриатики» да «Воспоминания», которые вряд ли можно отнести к «посторонним», так как в них речь идет о работе над романами «Горькая линия» и «Ненависть». Да и путевые очерки нет-нет да и повернут в сторону Северного Казахстана от бетонных ущелий Нью-Йорка или голубого простора Адриатического моря.

Таким образом, охватывая взглядом все творчество И. Шухова, мы видим тематическое единство при всем многообразии спектра художественного исследования. Фигурально говоря, нет Шухова без «Горькой линии», но в похвалу писателю скажем, что нет также «Горькой линии» без Шухова. Она отошла в историю, потеряв смысл первоначального предназначения. Бурные волны социалистического полувека окончательно вымыли из нее застоявшуюся гниль сословного чванства, чему способствовал и писатель своими произведениями. Но она осталась жить в его произведениях как литературная казакиана. Благодаря Шухову северо-казахстанская степь легла одной из страниц большой русской литературы.

* * *

Идейно-художественному анализу романов Шухова посвящено немало исследований и критических статей. Думается, они и впредь будут привлекать внимание литературоведов и критиков. Своеобразие материала определило адекватный ему стиль романов И. Шухова. По принятому за литературную аксиому выражению «стиль — это человек» об авторе «Горькой линии» и «Ненависти» можно говорить, что это, несомненно, свидетель описываемых событий, мало того, их участник, и даже как бы один из своих персонажей: настолько осязаемо все изображенное им — и краски, звуки и запахи степи, и жилой уют чистых горенок с неизменными комодами в простенках, по-

крытых кружевными дорожками, с душистой геранью и подзорами никелированных кроватей, и весь камуфляж казачьих гражданских нарядов, военной амуниции и конской сбруи, и образ мысли «станичников», их характеры и привычки, их характерные выражения и словечки, а главное — страсти, интересы, помыслы. Этот человек хорошо знает и станичных казаков, и хуторян, отрубных переселенцев, и степных кочевников-казахов. Но он не плохо знает и господ офицеров, атаманов, и дворянскую интеллигенцию. Этот же человек во всем контексте своего повествования, а иногда и прямо в тексте обнаруживает себя то глубоким исследователем-историком сибирского казачества, то эпически спокойным бытописателем, то захлебывающимся от избытка объектов смеха неистощимым юмористом, то поэтом-лириком, то мастером закрученной интриги,— но все ипостаси стилистического лица автора многоедины в одном романтично-революционном восприятии жизни, в классово-идейном целеустремлении желаний.

Советская проза через десятилетия от того революционного времени накопила немало способов и приемов передачи энтузиазма, окрыленности первых строителей социализма, стала солиднее и несколько «мудрее», что ли, потому что с высоты сегодняшнего понимания выглядят несколько наивными и по-милому смешными прямолинейные, как штык, и ясные, как солнышко, Романы, Фешки да Увары. У Шухова они изображены словно изнутри, в пламени того порыва к новой жизни, который безраздельно владел их думами и умами, и было бы кощунством, а в конкретно-историческом плане — и классово-неверно отмечать видимые сегодня какие-то элементы донкихотства. И хотя писатель, разумеется, в обобщениях поднимается высоко над своими героями, читателя не покидает ощущение, что «Горькую линию» написал одностаничник Федора Бушуева, а «Ненависть»— комсомолец из ячейки Романа Каргаполова. Эта иллюзия безыскусной «доподлинности», очевидности происходящего, словно заснятого скрытой камерой без режиссерского вмешательства в сцены — отличительная черта шуховского стиля.

Последние редакции «Горькой линии» и «Ненависти» представляют собой объемные, многоплановые повествования и выгодно отличаются от первых изданий. Напрасно некоторые критики вздыхают о якобы потерянном аромате первоначального текста «Горькой линии» и считают, что «Ненависть», соединенная с «Поединком», напоминает две державы, которые общаются меж собой через дипломатические каналы. Единство темы и стиля позволило объединить художественные тексты ко взаимному идейному обогащению. Борьба бедняцкого и кулацкого колхозов на хуторе Арлагуль приобрела дополнительные идейные оттенки на фоне строительства совхоза. Да и сюжетно слияние с «Поединком» значительно подкрепило «Нена-

висть». А переработка «Горькой линии» сделала ее более динамичной и читабельной, освободив от многих «лишних» слов и сцен, наподобие тех, какие критиковал Горький.

Имеются и недостатки в романах, такие, например, как незавершенность сюжетной линии Яков Бушуев — Варвара, так многозначно начавшейся и обещавшей стать одной из ведущих идейно-художественных нитей «Горькой линии»; мог бы быть более активным в сюжете «Ненависти» интересный образ рыцаря революции Увара Канахина и другие. Но это те замечания, которые носят характер пожеланий.

* * *

Настолько крепко «привязан» (в смысле привязанности, преданности) И. Шухов к теме казачества, что даже его рассказы и повести о современности звучат, как ее продолжение. В «Зимней повести» речь идет о застигнутых в степи пургой механизаторах, шоферах целинного зерносовхоза. И хотя в повествовании рассыпаны приметы времени подъема целины, главными героями, вернее, единственными полно обрисованными персонажами, оказываются старики — встревоженная за судьбу сыновей Аксинья Григорьевна и ее подвыпивший и до поры сохраняющий в тайне от жены этот грех муж Максим Дементьевич, люди старого склада, проведшие непраздную, полную лишений жизнь, сохранившие прочные основы трудового семейного уклада. Дед то молодо запевает под балалаечный наигрыш внука «Солдатушки, браво ребятушки!», то разглагольствует за столом о прошлом житье-бытье, сочно сдабривая свой рассказ народным юмором, то вспомнится Аксинье Григорьевне такая же пурга в пору ее молодости, когда молодой Максим также затерялся с обозом в степи, и она, забравшись на колокольню, вызволила своего любимого из кромешной круговерти колокольным звоном, то сноха Марья скороговоркой расскажет, как они с Ваней (теперь он тоже там, в степи) сразу после свадьбы чуть не замерзли вдвоем в кабине самосвала, двое суток в телогрейках на рыбьем меху отсиживаясь в пургу, и как Ваня убеждал ее представить, что она графиня, а он, граф Жигалов,— и они в расчудесном свадебном путешествии. Вот из таких эпизодов и состоит повесть. И удивительное дело: напряженное состояние тревоги за жизнь механизаторов, внушенное первыми страницами повести, постепенно переходит в уверенность, что ничего с такими Жигаловыми не сделается — от надежного корня они взращены. Похож Максим Дементьевич на многих своих предшественников по творчеству Шухова. И слог-то у него не то Бушуевский (из «Горькой линии»), не то Елизара Дыбина (из «Ненависти»).

— Гореваньем в беде не поможешь, мать. Это раз. Второе, ребята у нас с тобой не робкого десятка, не без головы на плечах. Одним

словом — Жигаловы! Вот вторая моя тебе отповедь, матушка. Третий мой сказ и того короче. Прежде времени не помирай. И в неурочное время беду не каркай.

Он уже несравнимо выше тех «воспод стариков», что «буровили» всяк свое на станичных сходах. Продолжая свою тему, писатель таким образом словно хочет сказать: вот оно, то крепкое потомство, которое дала лучшая часть Горькой линии. В целинных очерках, чуть ли не в каждом, среди пестрого круга новоселов, кого автор избирает своими персонажами, обязательно присутствует старик — коренной житель здешних мест. Как правило, он радуется нахлынувшей нови, но в то же время придирчиво вмешивается в детали, на которые не обращают внимания целинники, увлеченные размахом своего дела. То края полей неаккуратно заделаны, то рожь на корм не вовремя косят, слепо подчиняясь спущенной сверху директиве, то указатели дорог не поставили («Зарницы над нивами»). Или попадется парням-кубанцам старик, возвращающийся в свой колхоз с курсов садоводов, и вот уже кубанцы, приунывшие было от тягостного однообразия плоской, без деревца, степи, начинают видеть ее глазами этого старожила, полвека украшающего ее своим трудом. Он словно приглашает их не просто начинать новую для парней жизнь, а продолжать свое дело («Первая борозда»).

Такие мотивы очерков придают им дополнительную жизненную силу, помимо актуальности, ради которой они появлялись. Эта дополнительная жизненная сила помогает им оставаться и сегодня художественно актуальными.

* * *

Представляемые ныне читателю избранные произведения И. Шухова и книгу «Пресновские страницы» можно рассматривать как единую книгу социалистического полувека бывшей Горькой линии. Полувека, в течение которого произошли исключительные изменения, преобразившие и облик края и его обитателей. Полувека, в течение которого и писалась эта книга. Полувека творческого пути самобытного русского писателя Ивана Шухова.

А. УСТИНОВ.

ГОРЬКАЯ ЛИНИЯ

ПРОЛОГ

1

Поздней осенью 1913 года возвращались из Семиречья в станицы Западной Сибири эшелоны четырех казачьих полков. Это были казаки, отслужившие пятилетний срок действительной службы на юго-восточной границе России с Китаем. Им повезло. Сторожевая служба на пограничных кордонах была довольно вольготной и мирной. Призванные в строй после русско-японской войны, они не испытали тех невзгод и лишений, какие выпали на долю старшего поколения Сибирского казачьего войска во времена Маньчжурского похода в 1904 году. Однако за пять лет службы, отбытой на чужбине, они вдоволь насытились непривычно праздной бивачно-казарменной жизнью на глухих пограничных кордонах и теперь готовы были лететь на крыльях к неблизким родным местам.

Полки возвращались на родину в полном боевом порядке, при холодном оружии, с карабинами за плечами, в конном строю. Переправившись вброд через мутные воды Или, эшелоны двигались замедленным маршем через Голодную степь. Они шли через пески и камышовые джунгли Балхашского побережья, мимо грифельных скал Джезказгана и кремнистых сопок необжитого Коунрада, мимо редких аулов кочевников и одиноких пастушеских юрт, раскиданных в пустынных пространствах азиатских степей от верховий Черного Иртыша до Каркаралинска.

Марш был нелегким. Туговато приходилось местами с подножным кормом для лошадей и с фуражировкой. Далеко не везде на пути сохранились нанесенные на маршрутную карту войсковые колодцы. Несмотря на глубокую осеннюю пору, в Прибалхашье держалась еще сорокаградусная жара. И у путников от горячих ветров пылали глотки, трескались спекшиеся губы, темнело в глазах.

А строевые кони порой шатались под всадниками, точно после призовых скачек с многоверстной дистанцией.

На сорок первый день марша казаки, миновав Голодную степь, вышли на широкий скотопрогонный тракт, пролегавший из Западного Китая к землям Сибирского казачьего войска. Подтянув эшелоны к крутым берегам живописного горного озера вблизи Каркаралинска, есаул Алексей Алексеевич Стрепетов сказал перед строем:

— Поздравляю, братцы. Пустыни — за нами. Теперь и до дому — рукой подать. Ура! — прозвучал его грудной, взволнованный голос.

Казаки, привстав на стременах, огласили окрестные сопки торжествующим перекатным гулом:

— Ура-аа!

Даже строевые кони, взметнув мечами ушей при этом отлично знакомом им боевом кличе всадников, словно почуяли близость дома. Закусив удила, напружинив сухие точеные ноги, они возбужденно посверкивали агатовыми зрачками и готовы были взмыть на дыбы.

Трубачи протрубили привал на дневку. Всадники, спешившись, занялись расседловкой. Задымили походные кухни. Запылали костры. На берегу озера быстро раскинулись штабные шатры и казачьи палатки. И не успели еще дневальные сбить в косяки расседланных лошадей, а уж некоторые досужие сослуживцы предались привычным забавам. Одни резались в подкидного дурака, другие — всяк в свои козыри, а кое-кто из неробких ребят перебрасывался втихомолку и в двадцать одно. Сотенный шорник и гармонист Сенька Сукманов, примостившись на дышле обозной брички, лихо отрывал на новенькой однорядке «Метелицу», щеголяя неслыханными разбойничьими вариациями. И кто-то, видать, из самых отпетых полковых плясунов, размахивая связкой уздечек, не утерпев, успел раза два-три пройтись вокруг гармониста вприсядку...

Ко всему на свете, казалось, равнодушные на марше, неразговорчивые, хмурые и нелюдимые с виду казаки совсем другими выглядели на привале. Со стороны присмотреться к ним в эту пору — ахнешь: не те ребята! Спешились — все! Смотришь, и усталость как рукой сразу сняло. И языки мало-помалу, как в легком хмелю, развязались. И прибаскам и присказкам — нет числа... Немногого требовали служивые от скупой на забавы и радости походной жизни. Брезентовая палатка над головой. Жаркий костер в ночи. Братский ужин из артельного котелка. Цигарка из

у нас с вами забота,— сказал Архип Кречетов, подслушавший мирную беседу сидевших вокруг костра казахов.

— Ие. Да. Одна беда. Одна забота,— оживленно откликнулся джигит в малиновой тюбетейке.

Присев рядом с казахами к костру, Архип Кречетов рассудительно проговорил:

— Нам с вами самое главное — власть доступить, а там уж мы определим свою жизнь по-хозяйски. В обиду друг друга не дадим. Слава богу, похлебали мы вдоволь горького до слез. Хватит. Наступит и на нашей улице праздник. Правильно я говорю, воспода суюзники?

— Друс. Друс. Правильно. Правильно, тамыр!

— Правильно, друг,— звучали в ответ на вопрос Архипа Кречетова дружные голоса джигитов.

Около полуночи, когда над лесом взошла молодая луна, Федор, возглавив свой уже большой повстанческий отряд из станичников, скрывавшихся по переселенческим хуторам, дезертирствующих фронтовиков и степных джигитов, повел за собой кавалькаду вооруженных казачьими и охотничьими дробовиками всадников по направлению к станице. Казаки, принявшие в конном строю положенный походный порядок, шли впереди, а за ними следовали на рысях плотной массой джигиты.

Федор ехал впереди, молчаливый, строгий, внутренне собранный. Капризный, плохо еще приученный к седлу степной конь, закусив удила, стремительно нес его по степи, неярко озаренной светом молодого высокого месяца.

В темпе все возрастающего аллюра Федор провел свою конницу мимо цепи тускло блестевших от лунного света знакомых ему горько-соленых озер и скорее почувствовал, чем увидел, родные с детства места, неожиданно возникшие перед ним, как в сновидении, как в сказке. Вот промелькнула в стороне древняя береза с причудливо изогнутым у основания, похожим на лук стволом. Одинокая, покорная всем ветрам, она и прежде всегда замечалась Федором. А сейчас при виде ее золотой, дремотно покачивающейся полуобнаженной вершины у Федора еще тревожнее и горше, рывками забилось сердце.

Федор скакал, работая поводьями, не оглядываясь назад. Но он чувствовал близость мчавшихся за ним по пятам всадников и свою кровную неразрывную связь с этими людьми. Как проливной дождь в ночи, глухо плескался копытный стук, и возбуждал, кружил голову Федору сладковатый запах лошадиного пота и сдержанное дыха-

ние всадников, в суровом и строгом безмолвии мчавшихся вслед за ним стороной от торной степной дороги.

Хутор Подснежный, где жила Даша, конница прошла на рысях и Федор с трудом поборол в себе желание сейчас же повернуть на ту улицу, где стоял дом Немировых. «Нет, нет. Потом, после. После...» — мысленно твердил Федор, полузакрыв глаза, чтобы не увидеть случайно неясных очертаний знакомого дома, чтобы не поддаться соблазну и резким рывком не повернуть к нему своего нервного коня. Сердце било в набат. Горели виски. Во рту было горько и сухо. И Федор, пришпорив коня, вихрем пролетел через хутор, как через гигантское, жаркое пламя костра, опалившее его душу огнем тревожных, ярких, незабываемых воспоминаний...

К станице конница подошла на рассвете. Федор плохо помнил потом, как он спешился на ходу со своей взмыленной лошади около крыльца станичного правления, как ворвался вместе с Пашкой Сучком, Андреем Праховым и пастухом Сеимбетом в кабинет атамана Муганцева и что говорил испуганно озиравшемуся Муганцеву, почему-то прикрывшему ладонями свои серебряные погоны. Зато Федор отлично запомнил обстановку этого кабинета, пропитанного кисловатым запахом легкого табака. На письменном столе стояла недопитая бутылка кагора — церковного вина для причастия, и две перевернутые вверх дном рюмки из розоватого хрусталя. Засидевшиеся в эту неспокойную ночь в кабинете атаман Муганцев и пристав Касторов тут же и заснули: Касторов — на деревянной софе, накрытой гарусным ковриком, Муганцев — в кресле за письменным столом.

Оба они не были пьяными. Но, очнувшись от шума и грохота, поднявшегося в станичном правлении, долго не могли прийти в себя, ошалело глядя на Федора и его спутников, проворно и деловито обыскавших того и другого на случай, если у них имеется припрятанное под кителями или в карманах просторных офицерских шаровар с лампасами огнестрельное оружие.

Покончив со скорым обыском и бесцеремонно сняв с Муганцева его посеребренную парадную портупею от сабли,— отстегнутая сабля Муганцева мирно стояла в углу у печки,— Пашка Сучок, вопросительно взглянув на Федора, спросил:

— Куды их теперь девать, Федя?

— Кого?

— Ну, вот это бывшее, значит, начальство,— сказал Пашка, кивая на пристава с атаманом.

— Известно куда — в кутузку. Под замок. Да охрану за ними построже,— распорядился Федор.

— Слушаюсь,— лихо козырнув Федору, сказал Пашка, и он при помощи Андрея Прахова и Сеимбета не очень вежливо начал выталкивать из кабинета пытавшихся было сопротивляться пристава и атамана.

— Стоп, братцы. Куды вы их волокете? — крикнул появившийся в дверях Архип Кречетов.

— Куды надо. Посторонись с дороги,— окрысился на Архипа Пашка Сучок.

— Да не посторонись, а отвечай толком — куды, когда тебя спрашивают.

— Вот пристал, как банный лист к причинному месту. Куды, как не в каталажку?! — воскликнул, отталкивая в сторону Архипа Кречетова, Андрей Прахов.

— Да не в каталажку, а на площадь их, подлецов, волоки. На божий свет выводи их, к миру. Там ить вся станица у церкви! — протестующе размахивая руками, кричал Архип Кречетов.

— Нет. Нет. Закрыть их пока под стражу, а на миру мы и без них обойдемся,— повелительно сказал Федор, заметивший заминку среди казаков, конвоировавших взятое под стражу станичное начальство.

Федор стоял возле распахнутого окна и смотрел, не спуская глаз, на древние редуты крепости. Там, вдали, за шестигранными холмами линейного городища простиралась до самого горизонта родная степь. А над позолотевшими от восхода палисадниками и крышами станицы вставало огромное, похожее на развернутое алое знамя солнце. То брел по холмам и увалам занявшийся где-то под небом Тихого океана, властно вступающий в необозримые степные просторы Горькой Линии новый, полный бодрящего холода, синевы и багрянца октябрьский день.

На церковной колокольне ударили в большой колокол. Низкий в запеве, торжественно-глуховатый звук меди стремительно поплыл, колыхаясь, над степью. Затем последовал второй удар. Третий. Четвертый. Частые и гулкие звуки заходили волнообразными кругами над станицей.

И Федор, поняв, что это бьют в набат, бросился со всех ног туда, на станичную площадь, к народу.

СОДЕРЖАНИЕ

А. А. Устинов Иван Шухов 7

ГОРЬКАЯ ЛИНИЯ

Пролог 19
Часть первая 41
Часть вторая 230

ИВАН ПЕТРОВИЧ ШУХОВ

ГОРЬКАЯ ЛИНИЯ

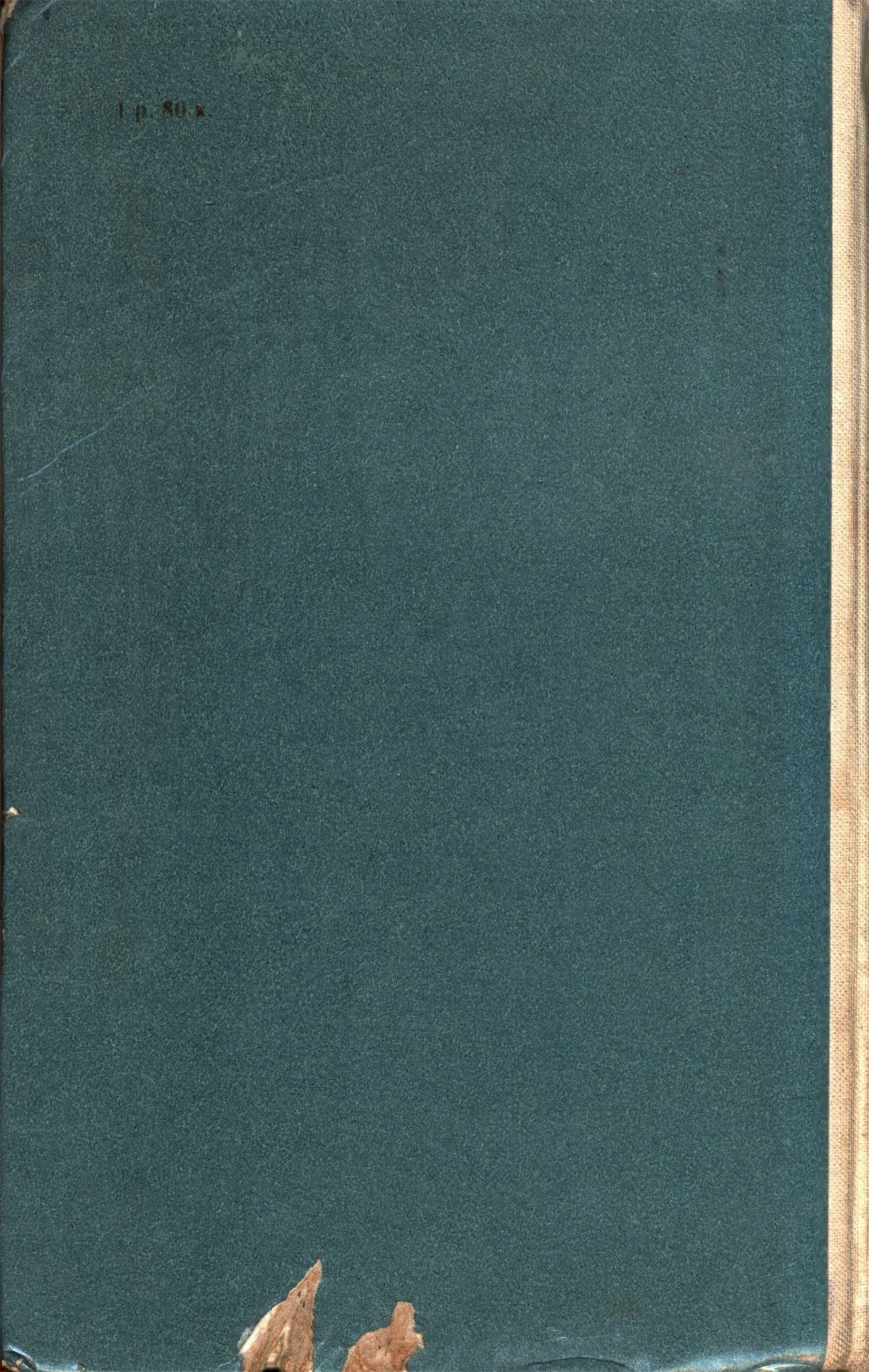
Избранное

Том 1

Редактор *Н. Муханова*
Художник *А. Смагулов*
Худож. редактор *Б. Машрапов*
Технич. редактор *М. Злобин*
Корректор *Н. Григорьева*

Отпечатано с матриц 22/XII—77 г.
Бумага № 2. Формат 84×108 1/32—13,75=23,1 усл. п. л. (25,02 уч.-изд. л.).
Тираж 100 000. Цена 1 руб. 80 коп.
Издательство «Жазушы», г. Алма-Ата, проспект Коммунистический, 105.

Заказ № 2676. Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Совета Министров Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 39.

1 р. 80 к.

1